общественной есть род остракизма, поражающего тех, кто чрезмерно вознесся, и служит поэтому уздой для облеченных властью" [1, с. 370]. Наше же отношение к зависти личной в значительной мере проникнуто духом христианского неприятия этого чувства, и оно вполне адекватно передается афоризмом Ф. Ларошфуко: "Люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться".

Эти два момента – соревновательный и "злокозненный" – определяют деление зависти на "белую", мотивирующую достижения личности и связанную с признанием заслуженности чужого успеха и отсутствием желания зла другому, и "черную" – собственно зависть, о которой и пойдет речь в дальнейшем. Конечно, "зависть – сестра соревнования" (А. Пушкин), однако отношение человека, испытывающего зависть, к чужому благополучию и успехам диаметрально противоположно отношению к ним того, кем движет чувство соревновательности: "человек под влиянием чувства соревнования старается сам достигнуть благ, а... под влиянием зависти стремится, чтобы его ближний не пользовался этими благами" [4, с. 95].

Чувство зависти, как и например чувство удивления [5, с. 507], не имеет себе противоположного (если не принимать в расчет, естественно, безразличие), скорее всего потому, что зависть отличается от прочих моральных чувств (кроме ревности) своей усложненной семантической структурой – присутствием в ней "сдвоенного объекта" – "прямого" – тех благ, которые желают для себя, и "косвенного" – актуального обладателя этих благ, которому завидуют. Зависть отличается также специфической субъектно-объектной расстановкой аксиологических знаков, когда само это чувство оценивается отрицательно, прямому объекту приписывается знак "плюс", а косвенному – "минус". Ближе всего к зависти по своей семантической структуре стоит, очевидно, чувство, входящее в состав каритативной любви и не имеющее собственного имени – чувство "сорадования", "со-радости", сопряженное с добротой и великодушием, которое, если отвлечься от компонента желания, можно было бы считать антонимом зависти. Всего лишь по одному семантическому признаку – аксиологическому знаку прямого объекта – отличается от зависти сострадание: "Сострадание – есть горе о чужом несчастье, зависть – есть горе о чужом счастье" (Плутарх) [6, с. 297].

Семантические компоненты, входящие в состав зависти, должны объединять ее с разрядом моральных чувств в целом и отличать ее от ближайших видовых категорий: любви, ненависти, ревности и зависти "белой" – чувства соревновательности. Общим для всех моральных чувств этой группы является признание за объектом статуса ценности. Не составляет исключения здесь и зависть, прямой объект которой представляет для субъекта безусловную положительную ценность. Не случайно наиболее встречаемым в определении зависти словом является "благо": "Зависть – это сожаление о чужом благе" (Плутарх) [6, с. 303]. Зависть с любовью сближает аксиологически положительное отношение к своему предмету – благам или успехам другого – и отличает, во-первых, ее деструктивный для завидующего характер и общее с ненавистью желание зла другому. Ненависть входит в состав зависти почти во всей полноте основных семантических компонентов: здесь присутствуют и желание зла другому, и антипатия к нему, и злорадство в случае его неудач и несчастий: "Зависть есть ненависть, поскольку она действует на человека таким образом, что он чувствует неудовольствие при виде чужого счастья, и наоборот – находит удовольствие в чужом несчастье" [7, с. 512]. От ненависти ее, быть может, отличает лишь отсутствие момента активности субъекта [8, с. 450]: "Ненависть – активное чувство недовольства, зависть – пассивное" (И. Гёте), – да большей стойкостью: "Зависть непримиримее ненависти" (Ф. Ларошфуко). Кстати, одним из значений латинского слова invidia является просто "ненависть" [9, с. 480].

Из числа моральных чувств чувством, сравнимым по своей природе с завистью, является ревность, также обладающая "сдвоенным объектом". Формальное различие между этими чувствами на глубинном семантическом уровне составляет вектор желания, направленного на прямой объект: зависть сопряжена с желанием завладеть тем, что принадлежит другому, ревность – с желанием сохранить в своем исключительном обладании то, над чем нависла угроза потери [3, с. 109]. Основным отличием собственно зависти ("черной") от чувства соревновательности ("зависти белой") является сопровождающее первую сознание собственного бессилия, невозможности достигнуть чужого уровня, повторить чужие успехи: "Envy peers from a distance at what it wants knowing well that it cannot obtain it" [10, с. 308].

Специфической чертой зависти на фоне всех прочих моральных чувств является ее наибольшая семантическая близость к "чистому" желанию: на уровне средств выражения, например, во французском языке, существительное envie передает преимущественно желание, а предикаты envier и avoir envie в синонимических словарях фигурируют как предикаты желания [11, с. 161]. Зависть – это не просто "сожаление о чужом благе", но также и желание, хотя и бессильное, получить это благо в свое собственное распоряжение.

В качестве ассоциативных семантических признаков зависти называются жадность и алчность